

The Image of the Danube Bird “Zegzitsa” in English translations of the “The Song of Igor's Campaign”

Olha Shykyrynska¹

Abstract: The article examines the variants of translation of the archaic lexeme “zegzitsa” in the English versions of the outstanding literature monument of the period of Kievan Rus – epic poem “The Song of Igor’s Campaign”. The author demonstrates how this obsolete word in the modern English-language interpretation is replaced by different images of birds (gull, seagull, cuckoo), as well as gives the viewpoints in modern controversy regarding to the meaning of the lexeme “zegzitsa” meaning.

Keywords: archaism; bird image; zegzitsa; gull; seagull; cuckoo; interpretation; translation

«Слово о полку Игореве» является выдающимся литературным памятником периода Киевской Руси, сопоставимым по своему значению с ирландскими сагами, «Беовульфом», «Песней о Нибелунгах» и пр. выдающимися произведениями средневекового европейского героического эпоса. В основе сюжетной линии «Слова...» лежит повествование о неудачном походе Новгород-Северского князя Игоря в 1185 г. против половцев, который потерпел сокрушительное поражение в битве в силу разобщенности и феодальной раздробленности киевских земель. Годом ранее великий киевский князь Святослав Всеволодович (1123-1194) нанес сокрушительное поражение половцам и укрепился на Дунае, однако из-за самовольства и юношеской горячности Игоря его достижения во многом были сведены на нет. Образ Дуная фигурирует в произведении как юго-западная граница русской земли. На ней равно «поют девицы» и «поют копыя», плач Ярославны по плененному Игорю достигает дунайских земель, над которыми она в мыслях пролетает птицей-«зегзицей».

Поскольку поэма была предположительно написана в конце 12 столетия, первым стал вопрос о ее переводе на современный русский и украинский языки («Слова...» является литературным памятником древней литературы двух стран – Украины и России). Впервые текст рукописи был опубликован в 1800 г. в Сенатской типографии Москвы в обработке любителя русских древностей графа А. И. Мусин-Пушкина и знатоков палеографии тех лет А.

¹ Lecturer, PhD, Izmil State University of Humanities, Address: Repina St, 12, Izmil, Odessa Region, Ukraine, 68601, Tel.: +38 (04841)51388, Corresponding author: olyasikshik@ukr.net.

Ф. Малиновского, Н.Н. Бантыш-Каменского. Современные издания старославянской версии текста «Слова...» представляют собой уточненную версию издания 1800 г. на основе сопоставления опубликованного текста с сохранившейся копией поэмы, подготовленной около 1793 г. для Екатерины II с устранением опечаток и неверного прочтения отдельных слов и фраз. Реконструкция текста была проведена выдающимися лингвистами и медиевистами XIX и XX века: Александром Потебней (Слово, 1878), Владимиром Колесовым (Колесов, 1976), Олегом Твороговым (Творогов, 1986), Андреем Зализняком (Зализняк, 2004), Дмитрием Лихачовым, Леонидом Булаховским и др.

Лучшие поэтические переводы «Слова...» на современный русский язык были подготовлены рядом крупных русских поэтов и лингвистов В. А. Жуковским (1819), Романом Якобсоном (Jakobson, 1948), Дмитрием Лихачевым (1950, 1986), Николаем Заболоцким (Заболоцкий, 1967) и др.; на украинский язык: Иваном Франко, Василием Щуратом, Владимиром Свидзинским, Илларионом (Огиенко), Леонидом Гребинкой, Максимом Рыльским. Валерием Шевчуком и др. «Слова...» переведено на славянские языки (белорусский, болгарский, польский, чешский, словацкий, хорватский); языки западноевропейских стран (английский, немецкий, французский, норвежский, испанский, итальянский, греческий, румынский, литовский, эстонский и пр.) и других народов мира.

Среди художественных произведений литературы эпохи Киевской Руси «Слово о полку Игореве» лидирует по количеству переводов на английский язык. Это связано с высоким художественным уровнем героической поэмы, в которой нашли отражение реалии истории, быта, верований, обычаев и обрядов IX-XII ст. Существует семь вариантов перевода «Слова...» на английский язык: L. A. Magnus (1915), С. Кросса (1948), В. Набокова (1960), С. Зеньковского (1963), И. Петровой (1981), J. A. V. Haney and Eric Dahl (1992). Седьмой перевод принадлежит писательнице Людмиле Наровчатской (1991), однако он грешит вольностями в авторской интерпретации содержания.

В каждом англоязычном переводе присутствует ряд переводческих трансформаций, неизбежных при иноязычном художественном осмыслении литературного произведения. В существующих переводах только в названии поэмы на английском языке содержатся различные оттенки: «The Tale of the Armament of Igor» (Magnus, 1948), «The Song of Igor's Campaign, Igor son of Svyatoslav and grandson of Oleg» (Набоков, 1960), «The Lay of the Warfare waged by Igor» (Петрова, 1981), «On Igor' Campaign» (Haney-Dahl, 1992). Наиболее точным можно считать перевод «Слова...» Владимира Набокова, поскольку автор, по собственному признанию, «отдал предпочтение

содержанию над формой», а за основу взял уточненную реконструкцию поэмы, проведенную в 1950 г. академиком Дмитрием Лихачевым.

Поскольку анализируемая героическая поэма является шедевром и национальным достоянием древней литературы Украины и России, в критике перевода исследователи стремятся быть объективными и максимально пристрастными в оценке интерпретаций, поскольку искажение первоначального текста неизбежно ведет к утрате смыслов и появлению новых значений образной системы текста. В данной работе мы попытаемся проанализировать варианты перевода старославянской лексемы «зегзица» на английский язык. Этот образ дважды возникает в знаменитом «плаче Ярославны», супруги князя Игоря, горюющей о его поражении и пленении. В английских переводах эта загадочная птица переводится по-разному: cuckoo, gull, seagull.

В самой ранней сохранившейся версии «Слова...», так называемой Екатерининской копии, этот отрывок изложен следующим образом (Слово, 1954):

167. копіа поють

168. на Дунаи. Ярославнымъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кычать:

169. полечю, рече, зегзицею по Дунаеви;

омочю бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ;

170. утру Князю кровавья его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

В переводе Романа Якобсона строки 167 и 168 объединены на смысловом уровне, т.е. копия поют на Дунае, а не голос Ярославны слышится на Дунае (Jakobson, 1948):

167. На самом на Дунае копия поют.

168. Мне не слышится голос Ярославны: поутру к земле неведомой она кукушкой кукует.

169. «Полечу я кукушкой, – молвила, – вниз по Дунаю.

170. Омочу я бобровый рукав в Каялы-реке.

171. Утру я князю его кровавые раны на крепком его теле».

Тогда как в большинстве других переводов с образа Дуная начинается содержание следующего смыслового отрывка, то есть на Дунае слышится плач Ярославны (в пер. Дмитрия Лихачова, Изборник, 1969):

167. Копья поют!

168. На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкой безвестною рано кукует.

169. «Полечу, – говорит, – кукушкой по Дунаю,

170. омочу шелковый рукав в Каяле-реке,

171. утру князю кровавые его раны на могучем его теле».

В переводе медиевиста Олега Творогова Ярославна отождествляет себя не с кукушкой, а с чайкой (Слово, 1986):

167. Копья поют...

168. На Дунае Ярославнин голос слышится, чайкою неведомой она рано
кличет.

169. «Полечу, – говорит, – чайкою по Дунаю,

170. омочу шелковый рукав в Каяле-реке,

171. оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Вопрос о современном значении древнерусской лексемы «зегзица» остается спорным среди ведущих исследователей «Слова...» XX века. Одни склонны интерпретировать ее в значении «кукушка», другие – «чайка». В реконструированных версиях поэмы написание лексемы «зегзица» также разнится: форму «зегъзица» используют и Александр Потебня и Роман Якобсон; остальные опускают твердый знак в правописании, используя форму «зегзица» (Зализняк, Мещерский, Бурькин, Колесов и др.).

Древнерусское слово «зегзица» в значении «кукушка» используется в ряде других памятников древнерусской литературы – Молении Даниила Заточника («Уподоблюся зогзицы, иже едину поет пѣснь, того ради ненавидима бываетъ») и «Задонщине» («Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, зогзици кокують на трупы падаючи»). Ведущие медиевисты XIX и XX ст. Михаил Максимович, Александр Орлов, Иван Пидопличко и др. настаивали на интерпретации значения «зегзица» как кукушка, отмечая и бытование диалектной формы в значении «ласточка», «стриж» (Булаховский, 1948, с. 108).

В то же время, советский биолог, профессор прикладной биологии Николай Шарлемань в анализе значения данной лексемы подчеркнул: ««Зегзица» ... обычно толкуется как кукушка. Однако следует напомнить, что на Десне между Коропом и Новгород-Северском крестьяне называют местами гiгiчкoй, зiгiчкoй, зiгiчкoй – чайку, по-русски пигалицу или чибиса (*Vanellus vanellus* L.). Может быть, в данном случае и автор «Слова» сравнил Ярославну с той птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, т. е. с чайкой... Может быть, эту чайку автор «Слова» назвал именем «зигичка», которое в

его время, возможно, было более распространено, а позднее переписчиками было славянизировано и превратилось в «зегзицу». Названия зигичка, гигичка – звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы – ки-ги, отчасти звуки, слышимые при взмахмах ее крыльев во время полета — зиг, зиг. О пигалице на Украине говорят, что она «кигикаеть» – ср. «кычьеть» в «Слове»» (Шарлемань, 1948, с. 115).

Это мнение было поддержано рядом филологов: Никитой Мещерским, Сергеем Котковым, Олегом Твороговым. Владимиром Козыревым и др., поскольку в отличие от лесной птицы кукушки, чайка является представителем водной фауны, низко летающей над поверхностью воды, которую задевает крылом. В метафорическом смысле образ чайки более ассоциируем с образом тоскующей женщины, пытающейся преодолеть в своих мыслях пространство и время. Образ лесной птицы кукушки, напротив, плотно ассоциируется с образом плохой матери и злой вешуньи.

Так, например, в художественной обработке Константина Бальмонта, негативный образ кукушки усугубляется отсутствующими в оригинале эпитетом «безвестная» (Бальмонт, 1967):

Что за песня над Дунаем?

Ярославнин слышен голос. Как безвестная кукушка, Кличет рано: «Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю,

Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой,

Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном».

Отсутствие однозначности в интерпретации значения древнерусской лексемы «зегзица» привело к появлению в четырех англоязычных переводах «Слова...» образа кукушки в словах Ярославны (Набоков, Мангус, Кросс, Петрова) и образа чайки в двух других англоязычных интерпретациях (В. Хани и Э. Даля, С. Зенковского):

- “I will fly, like a *cuckoo*”,
she says, down the Dunay (в пер. **В. Набокова**)
- “I will fly” she spoke, –
“like a *cuckoo* along the Danube” (в пер. **L. A. Magnus**)
- As far as the Danube spears are singing.

But what I hear is Yaroslavna’s voice like a *cuckoo* singing without tidings at morn.

“I will fly,” quoth she, “like a *cuckoo* down the *Don* (в пер. **С. Кросса**)

- Listen, the spears are singing!

On the Danube
Yaroslavna's voice is heard.
Like a lone *cuckoo*
She cries aloud
In the early morn:
"I shall fly," says she,
"Down the Danube
Like a lone *cuckoo* (в пер. **И. Петрова**)

- Lances sing

on the Danube!
Yaroslavna's voice is heard. As a *gull* the unrecognized one calls out early:
"I shall fly," she said, "as a *gull* along the Danube (в пер. **В. Хани и Э. Даля**)

- At the river Danube lances sing their song, but it is the voice of Yaroslavna which is heard. Since morning, she sings like an unknown *seagull*:

"Like a *seagull* I will fly along the river Danube. (в пер. **С. Зенковского**).

В переводах данного отрывка существует ряд других расхождений относительно того, слышен ли на Дунае плач Ярославны, или на Дунае слышен звон копий. К этим разночтениям привел разрыв в 167-168 строках (Екатеринский список):

167. копіа поють

168. на Дунаи. Ярославнымъ гласъ слышитъ...

Вопрос о том, на Дунае или на Дону (см. пер. с. Кросса) стремится пролететь кукушкой-чайкой супруга плененного князя Игоря и рукавом зачерпнуть воды, чтобы омочить раны Игоря, полученные на Каяле-реке, также имеет различные интерпретации. Одним из предположительных вариантов Каялы-реки, куда Ярославна стремится отнести зачерпнутую в Дунае-Доне рукавом воду, является одноименные реки в Воронежской (Каяла) и Запорожской (Каяла-Берда) областях, от которых до Дона значительно ближе, чем до Дуная. К тому же, территория Кубани (Дон) и Таврии (Каяла-Берда) являлись центром половецкой культуры, на которой по сей день сохранилось наибольшее количество культовых антропоморфных менгиров – знаменитых половецких баб.

Таким образом, если взять на вооружение, что строка 167 (копія поють) является частью 168 (на Дунай), а Ярославна хочет не кукушкой пролететь над Дунаем, а чайкой над Доном (возможно, в утраченном оригинале в традициях консонантного письма река была обозначена как Дн, что делает возможным ее прочтение и как Дон, и как Дунай), то смысл анализируемого отрывка кардинально меняется и на географическом, и на образно-метафорическом уровне.

В этом случае представляются наиболее адекватным украинский перевод данного отрывка Валерия Шевчука (Слово, 2003):

167. Списи ж співають, браття,

168. на Дону!

Голосить Ярославна на зорі,

Кигичучи, мов чайка, примовляє:

169. «Зигзицею до Дону полечу,

170. Вмочу рукав шовковий у Каялу

171. І рани князю витру на його

Могутньому порубаному тілі».

В переводе В. Шевчука выражение «бебрянь рукавъ» передано в значении «шелковый рукав». Во всех ранних переводах выражение «бебрянь рукавъ» переводилось как «бобровый рукав», однако после установления Н. А. Мещерским в 1956 году значения лексемы как «шелковый», в переводах второй половины XX века стало использоваться именно это значение. «За последнее время, пришел Н. Мещерский, – появились материалы, благодаря которым слово „бебрян“ перестало быть *haxax legomenon*. Это прилагательное нами обнаружено в тексте древнерусского перевода „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия (кн. VII, 5, 4). Там изображается триумфальный въезд императоров Веспасиана и Тита в Рим после покорения ими Иудеи. Прилагательным „бъбрянь“ здесь, без сомнения, передано значение „шелковый“. Объяснение и подтверждение такому значению мы находим в другом древнерусском тексте, по времени близком к переводу Иосифа Флавия, но переведенном с еврейского. Это книга „Есфирь“ (гл. 1, ст. 2). В ней перечисляются украшения пиршественного зала и среди них драгоценная шелковая или хлопчатобумажная ткань, названная в русском переводе словом „бобр“ – „бъбрь“. Таким образом мы имеем возможность установить, что термином „бъбрь“ – „бобр“ – „бебрь“ в древней Руси обозначали не только известное пушное животное, но и драгоценную шелковую ткань. Подобное двойное значение слова ведет исследователя на юго-восток. Известно, что в Хазарии одним и тем же термином „хаз“ – „каз“

обозначались одновременно как бобровый мех, так и шелк, в частности белый шелк» (Мещерский, 1956, с. 5-6).

«Слово о полку Игореве» имеет множество других темных мест. Их изучение позволит яснее представить картину мира и концепцию личности эпохи Киевской Руси и даст импульсы к более внимательному прочтению этого литературного шедевра.

References

- Haney, J.A.V. & Eric, Dahl (1992). *On Igor' Campaign*. <https://faculty.washington.edu/dwaugh/rus/texts/igortxt2.htm>.
- Jakobson, R. (1966). *Selected Writings*. Vol. IV. The Hague-Paris, pp. 106-300.
- Jakobson, R. (1948). *Traduction du Slovo en russe moderne*. In R. Jakobson, H. Grégoire & M. Szeftel (eds.), *La Geste du Prince Igor'*. New York, Rausen, pp. 181-200.
- The Tale of the Armament of Igor (1915). *A Russian historical epic*. Ed. and translated by L.A. Magnus. London, Amen corner, E.C. Edinburgh. New-York, Toronto, Melbourne, Bomba, pp. 2-24.
- Zenkovsky, S.A. (1963). *Medieval Russia's Epics, Chronicles and Tales*. New York. P. 137-160.
- Бальмонт, К. Д. (1967). *Слово о полку Игореве*. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 166-176.
- Булаховский, Л. (1948). *Общеславянские названия птиц*//Изв. ОЛЯ, т. VII, Вып. 2. С. 108.
- Заболоцкий, Н.А. (1967). *Слово о полку Игореве*//Слово о полку Игореве. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние. С. 265-287.
- Зализняк, А.А. (2004). «Слово о полку Игореве»: *Взгляд лингвиста*. Москва: Языки славянской культуры. С. 336-350.
- Изборник (1969). *Сборник произведений литературы Древней Руси*. Москва: Художественная литература.
- Колесов, В.В. (1976). *Ударение в «Слове о полку Игореве»*// ТОДРЛ. Т. 31. Ленинград. С. 23-76.
- Мещерский, Н.А. (1956). *К толкованию лексики «Слова о полку Игореве»*//Ученые записки ЛГУ, № 198, сер. филол. наук. Вып. 24. с. 5-6.
- Петрова, И. (1981). *The Lay of the Warfare waged by Igor*. Москва: Прогресс.
- Слово о полку Игореве (1800). Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской типографии. т. VIII, 47 с.
- Слово о полку Игореве (1986). Прозаич. Пер. О. В. Творогова. Москва.
- Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова (1954). Предисл. и примеч. Н. В. Водовозова. Москва.
- Слово о полку Игоревѣ (1878). Текстъ и примечанія А. Потѣбни. Воронежъ. С. 3-143.

Слово о полку Ігоревім та його поетичні переклади й переспіви в українській літературі (2003). Видання підготував Олекса Мишанич. [Київ: Акта. с. 565-579.

Шарлемань, Н.В. (1948). *Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»*//ТОДРЛ, т. VI, с. 115.